

Говард Филлипс Лавкрафт

ГИПНОЗ

(Hypnos)

«По поводу сна, пагубного приключения, в которое мы отправляемся вечером, можно сказать, что ежедневно люди засыпают со смелостью, которая была бы непонятна, если бы мы не знали о том, что она есть результат пренебреженной нами опасности».

Ш. Бодлер

Ах, если бы Вселенную населяли боги, полные жалости, с которой они долгие часы наблюдали бы за мной, когда ни моя воля, ни наркотик не могут удержать меня на краю пропасти сна!

Наверное, я сумасшедший, потому что решил с отчаянием погрузиться в тайны, смысл которых до сих пор не раскрыт человечеством. Сумасшедший также и мой друг – сумасшедший или блаженный? – мой единственный друг, увлекший меня на эти поиски и преуспевший в них, чтобы покончить, наконец, со страхом, который однажды мог бы стать моим.

Я помню, что мы познакомились на железнодорожном вокзале. Окруженный зеваками он лежал на земле без сознания, изгибаясь в конвульсиях. Его хрупкое, одетое в черный костюм тело странно задеревенело. На вид ему было лет сорок. Глубокие морщины отчетливо очертили его впалые щеки. Но морщины эти были удивительно красивой, овальной формы. Несколько серебряных нитей блестели в его пышной вьющейся шевелюре, а его густая короткая борода в молодые годы была, наверно, чернее воронового крыла. Лоб был белым, словно мрамор Пентелия, и таким великолепным, что, казалось, принадлежал господу.

В моем сознании скульптора сразу возникла мысль, что этот человек никто иной, как античный фавн, внезапно появившийся из раскопок разрушенного храма и заброшенный, уж не знаю кем, в наш грустный мир для испытания холодом и опустошающим действием времени. Когда он открыл свои огромные черные глаза, то в пронзительном взгляде незнакомого человека я прочитал, что отныне это мой единственный друг – до сих пор у меня не было ни одного, – так как я понял, что его глаза созерцали величие и ужас того царства, которое лежит по другую сторону действительности. Того царства, бережно хранимого в моем воображении, которое я тщетно искал. Одним взмахом руки я оттеснил толпу зевак, и объявил ему, что он должен пойти ко мне и стать моим наставником и проводником в нескончаемых поисках загадочного. Он согласился простым кивком головы. Позднее в его голосе мне раскрылась волшебная музыка виол и хрустальных шаров. Мы беседовали дни и ночи напролет, и я лепил его бюст или точил из слоновой кости миниатюры с его портретом, чтобы высечь на них и этим обессмертить его высказывания.

Невозможно рассказать о наших увлечениях, ведь они не имели ничего общего с тем миром, что придумал человеческий разум.

Мы витали в бесконечной Вселенной, темная загадочная и ужасающая сущность которой находилась по другую сторону материи, времени и пространства и опасаться существования которой можно было лишь в определенном состоянии сна. Эти сны за порогом сна, не имеющие ничего общего со смертью, к человеку с пылким воображением приходят лишь один или два раза в жизни. С пробуждением все, проникшее к нам из этого необъятного космоса, исчезает подобно тому, как растворяется в воздухе мыльный пузырь: выпущенный в пространство он теряет связь с источником своего возникновения.

Ученые мужи до сих пор полны сомнений, в большинстве своем они не знают, что есть сон на самом деле. Несколько ученых попытались найти объяснение этому. Боги рассмеялись. Человек с восточными глазами заявил, что время и пространство относительны. В свою очередь рассмеялись люди. Но тот человек все же породил сомнение. Я решил пойти дальше. Мой друг также. Частично он достиг успеха. Затем мы оба с помощью экзотического наркотика погрузились в страшный запретный сон в моей студии на вершине башни в графстве Кент.

Среди страданий, терзающих меня сейчас, наиболее нестерпимым является моя неспособность высказаться. Невозможно рассказать о том, что я увидел и понял в ходе моих запретных исследований, потому что ни в одном языке нет символов, способных донести их сущность. И действительно, с начала и до конца наши открытия происходили исключительно на уровне ощущений. Ощущений, не имевших осязательной связи с тем, что может зарегистрировать нервная система человека. Безусловно, это были чувства, отражающие поразительные космические элементы, суть которых неотчетлива и неопределенна.

В лучшем случае человеческая речь могла передать общий характер наших исследований, того, что мы называли погружением или планирующим полетом. Ведь в каждый из периодов нашего исследования какая-то часть разума внезапно покидала действительность, чтобы стремительно влететь в темную, ужасающую пропасть, разрывая на своем пути бесформенные облака и липкий пар.

Во время этих неосязаемых мрачных полетов мы были то вместе, то порознь. Когда отправлялись одновременно, мой друг всегда опережал меня. Я опасался за него, несмотря на аморфность субстанции, в которой мы находились. Одна и та же картина непрерывно стояла у меня перед глазами: плывущее в золотистом свете его лицо с по-юношески полными щеками, блестящим взглядом, высоким лбом, темными волосами и едва пробивающейся бородкой.

Мы не вели записей во время наших полетов, так как само время стало для нас просто иллюзией. Я знал лишь, что с нами могло происходить только хорошее, и, восхищенные, мы обнаружили, что годы не оставляют больше следов на наших лицах.

Речи наши стали непочтительными и чертовски честолюбивыми. Ни господь, ни сам сатана не стремились одержать тех побед, о которых мы мечтали. Меня охватывает

дрожь, когда я рассказываю об этом, не надеясь быть правильно понятым. И все же, по правде говоря, однажды мой друг доверил бумаге мысли, которые не мог произнести вслух. Это заставило меня тут же сжечь богохульный листок, и теперь я со страхом смотрю через широко раскрытое окно на звездное небо. Я предполагаю – это лишь мое предположение, – что он задумал подчинить своему влиянию течение всей Вселенной и даже более того: он хотел, чтобы Земля и звезды менялись местами по его приказу и чтобы ему одному принадлежало право решать судьбу всякого живого существа. Я утверждаю – и могу в этом поклясться, – что не разделял его устремлений. И хотя мой друг мог сказать или написать противное, это можно считать ложью, ведь я не из тех людей, что ставят на карту всё то, что обеспечивает полный успех задуманному.

Пришла ночь, и налетевшие из далекого пространства ветры закружили нас в безбрежной пустоте за гранью мышления и понимания. Наводящее ужас ощущение овладело нами. Восприятие бесконечности вызывало у нас странные приступы радости, но сейчас я не способен воспроизвести полностью те ощущения и описать то небольшое, что мне запомнилось. Когда мы беспрепятственно преодолели серию вязких преград, я почувствовал, что нас унесло в царство, бесконечно более далекое, чем то, которое нам запомнилось раньше.

Мой друг плыл далеко впереди меня в девственно голубом океане, и эта картина – юношеское выражение его лица, восторженного и светящегося – несла в себе нечто роковое. Вне запно возникший образ стал темным и сразу исчез, а я почувствовал впереди преграду, которую не смог преодолеть. Это было что-то похожее на другие, но в то же время плотнее: твердая, клейкая масса – если можно употребить подобные термины для определения качества в нематериальном мире.

Я ударился о барьер, а мой друг перелетел через него без труда. Я барахтался, стараясь скорее догнать его, потому что действие принятого наркотика подходило к концу. Наконец, я открыл глаза и в углу студии напротив себя: увидел моего компаньона, бледного, растерянного, еще без сознания. Античные черты его лица поражали какой-то дикой красотой в зеленых и золотых лучах лунного света.

Через некоторое время он пошевелился. Боже, могло ли небо избавить меня от спектакля, невольным зрителем которого я стал?! Не могу передать, какие крики вырывались из его груди, какие адские видения отразились на мгновение в его черных глазах, расширенных от страха. Могу лишь сказать, что я потерял сознание и оставался так до тех пор, пока мой друг опять не пришел в себя и не принял меня трести, надеясь таким образом, что я помогу ему изгнать из его души страшные муки и уныние.

Это было концом наших добровольных исследований в закоулках сна. Запуганный, раздавленный, дрожащий приятель, преодолевший страшный барьер, сказал, что отныне мы больше не должны путешествовать по этому беспредельному царству. У него не хватало смелости описать то, что он видел. Он к тому же заявил, что мы должны отдавать сну как можно меньше времени, даже если для этого потребуется принимать возбуждающие препараты. Он был полностью прав и вскоре я начал испытывать невыразимый страх каждый раз, когда проваливался в беспамятство. Выходя на время из этой неизбежной дремоты, я становился все более старым; одряхление же моего приятеля вызывало у меня тревогу.

Для человека нет ничего более ужасного, чем следить за морщинами, образующимися на его собственном лице, и видеть, как волосы белеют прямо на глазах. Мы изменили наш образ жизни. До сего дня друг не раскрывал мне ни свое имя, ни происхождение, он жил подобно отшельнику. Но внезапно наше одиночество стало для него невыносимо. Он отказывался оставаться ночью один. Даже присутствие нескольких человек не спасало и не успокаивало его. Лишь среди многочисленной и радостной толпы он чувствовал себя хорошо. Мы стали больше общаться с молодыми, и хотя наше присутствие и наш возраст иногда вызывали их насмешки, это приносило моему приятелю меньше страданий, чем одиночество.

Я заметил, что мой друг особенно боялся находиться вне дома в час, когда зажигались звезды. Часто я заставал его встревожено смотрящим на небо, как бы выискивающим там след некоего дьявола. Его взгляд не был устремлен только в одну точку небесного свода, направление взгляда менялось в зависимости от времени года. Весной он смотрел на северо-запад, летом прямо вверх, над нашими головами, осенью – на северо-восток и зимой – на запад, но лишь ранним утром.

Душные летние вечера нагоняли на него необъяснимый страх.

Прошло два года, и я начал понимать, что его опасения должны быть связаны с чем-то конкретным. Я сделал вывод, что все дело в каком-то пятне на небесном своде, которое в зависимости от времени года меняет свое расположение. Уголком неба, на который постоянно смотрел мой друг, было созвездие Короны Северного Сияния. Мы сняли студию в Лондоне.

Мы не разлучались ни на мгновение, но больше не вспоминали о том времени, когда оба стремились познать таинство потустороннего мира. Мы постарели. Наркотики, постоянное нервное напряжение и прошлая разгульная жизнь сильно измотали нас.

Друг почти полностью облысел. Его борода и те немногие волосы, что еще остались, стали белыми, словно снег. Мы одержали удивительную победу над сном и спали не больше одного-двух часов в сутки.

Затем, с дождями и туманами, пришел январь. У нас не было больше денег на покупку наркотиков. Я уже давно продал все статуи и миниатюры; у меня не осталось больше сил работать с мрамором и слоновой костью. Способность и умение придавать материалу необходимую форму почти полностью покинули меня.

Мы жестоко страдали. Однажды ночью мой друг впал в тревожный сон. Он с трудом дышал, хрипел, и долгое время мне не удавалось его разбудить. Эта картина врезалась в мой мозг во всех деталях: темная мансарда, по крыше стучит дождь; громкое тиканье настенных часов и тихое наручных; приглушенный дождем и туманом городской шум, и самое страшное – тяжелое, глубокое, зловещее дыхание, как бы отмеривающее порции сверхъестественного страха.

По мере того как я сидел возле друга, у меня поднялось давление, и толпа демонов, рожденная моим больным воображением, закружилась вокруг меня. Я услышал бой часов – это были не наши часы, а какие-то другие, лишённые необходимого механизма, – и он придал новый импульс моим болезненным снам. Часы – время – пространство –

бесконечность. Потом мысли сосредоточились на жилище. Над крышей, туманом, дождем, самой атмосферой на северо-западе поднималась Корона Северного Сияния. Созвездие, которого, казалось, опасался мой друг, полукруг его, еще невидимые глазом звезды заполнили своим краснеющим светом безбрежные лазоревые бездны.

Вдруг мои чуткие уши уловили какой-то новый шум, тихое, но настойчивое гудение, идущее издалека. Монотонный, издевательский крик слышался с северо-запада.

Но не этот далекий стон парализовал мою волю и вверг мою душу в ужас. Не он заставил сотрясаться от страха мое тело и издавать звуки, от которых кровь стыла в жилах у соседей. Не то, что я услышал, подействовало так, а скорее то, что я увидел. Моя запертая, мрачная комната с задёрнутыми шторами на окнах вдруг осветилась жутким красно-золотым светом, идущим с северо-западной части неба. Пагубный луч света, пройдя через окно, уперся прямо в голову спящего. Картина – воспоминание о его лице – предстала моему взору еще раз такой, какой была во время наших путешествий по безбрежному океану времени и пространства, когда мой друг преодолевал все препятствия, чтобы проникнуть в глубокие, запрещенные закоулки кошмара.

Я смотрел на него и видел трясущуюся голову, черные глаза, наполненные ужасом, тонкие губы приоткрытого рта в таком жутком крике, что страшно вспоминать о нем. Вид этого мертвенного, сверхъестественного, светящегося лица был кошмаром, который вряд ли явится мне еще когда-нибудь.

Шум возрастал, приближаясь к нашему жилищу. Я не произнес ни слова, стараясь понять его источник, который порождал также и губительный свет, падающий сейчас на моего друга. Увиденное вызвало у меня приступ эпилепсии, что привело в сильное смятение моих соседей и полицию. Никогда, во веки вечные не смогу я поведать об увиденном, а даже если и попытаюсь, приложив все силы для этого, то не уверен, оставила ли мне память способность воспроизвести в сознании страшную картину. Эта неподвижная голова, даже если и знает больше меня, уже ничего не сможет рассказать; отныне мой взгляд постоянно будет прикован к ненасытному ироническому Гипнозу, властителю сна, чтобы защищать себя от безумной силы знания и философии.

Я не знаю, что произошло в действительности. Не только мой ум, но и сознание всех людей, окружавших меня, охватила забывчивость, бывшая единственным средством, которое помогло им не сойти с ума.

Они заявили, уж не знаю почему, что у меня никогда не было друга. Что только искусство, философия и пороки заполняли мою трагическую жизнь. Этой ночью соседи и полиция позаботились обо мне, а врач прописал мне покой. Никто не понял, какое кошмарное событие произошло здесь. Они не испытывали никакой жалости к моему сраженному лучом света другу, но предмет, который они нашли на кровати в моей студии, вызвал у них восхищение. Меня стали восхвалять. Сейчас у меня репутация, которой я не заслуживаю, которую даже презираю. Я уже лысый, сморщенный, моя борода стала седой. Я часами сижу неподвижно и чувствую себя парализованным. Наркотики выбили меня из колеи, довели до полного изнеможения. Время, оставшееся мне для жизни, я посвящу созерцанию той найденной вещицы.

Все отказываются верить, что я продал последнюю из моих работ. Все с восторгом смотрят на безмолвный предмет, завещанный мне лучом света.

Все, что осталось мне от моего друга, превратившего меня, в жалкую развалину, это великолепная мраморная голова, достойная резца великих древнегреческих скульпторов. Великолепное лицо с густой волнистой бородой, улыбающиеся губы, длинные вьющиеся волосы, высокий лоб, украшенный цветком мака. Все говорят, что именно я вылепил этот бюст, что он изображает меня самого в двадцать пять лет. На его мраморном основании были выбиты греческие буквы, складывающиеся в единственное имя: Гипноз.

Перевод: А. Мороз, Г. Кот

1992 год